

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 1
© 2015 г.

А.К. Дегтярев

**РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
КАК СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
КОНСТРУКТ АМЕРИКАНСКОЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МЫСЛИ**

Дегтярев Александр Константинович – доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: vio8357@mail.ru

Аннотация. В представленной статье осуществляется попытка дать оценку исследовательскому потенциалу используемых в американской традиции образов и схем русского национализма. Автор статьи делает вывод о том, что по существу исследовательские усилия строятся на обосновании иррациональности русского национализма, а его развитие интерпретируется в оппозиции «имперский – этнический». В этом смысле американская исследовательская традиция не отражает множественности национализмов в российском обществе и не в состоянии адекватно оценить потенциал политического влияния русского национализма в контексте современных социально-политических процессов.

Ключевые слова: русский национализм, державность, имперский национализм, этнический национализм, безгосударственность, социальная иррациональность, образы национализма.

В американском ученом сообществе сложилась устойчивая традиция рассматривать русский национализм в контексте обозначения влияния догоняющей модернизации. Характерно, что исследование русского национализма зародилось в среде советологов, труды которых трудно причислить к классической социальной мысли. Дело в том,

что ключевым понятием в русском национализме стало считаться «державность», из которого выводились и выводятся импликации изоляционизма, традиционализма, ксенофобии. Можно говорить о том, что национализм по хронологическим параметрам связывается со сталинским периодом, с тем, что можно квалифицировать как имперский дискурс.

Другими словами, на изучение национализма концептуально накладывается схема «рецидивности», т. е. русский национализм предлагается интерпретировать как контртенденцию культурной и философской традиции Европы, как то, что не может быть определено рациональным чувством и быть описано и объяснено в терминах социального и политического модерна. Э. Кедури, который признает национализм артефактом политических революций (прежде всего Великой французской) [2, с. 27], определяет национализм совокупностью идей, нацеленных на принятие нации в качестве нравственного и политического суверена. Для исследования русского национализма ясным становится зафиксированный в символах и мифах язык культурной и исторической исключительности. Поэтому националистическая тенденция в России связывается с выпадением из европейского контекста и тем, что, являясь национализмом по формально образующим признакам, следует квалифицировать его состояние в терминах согласия с имперской или державнической традициями.

Можно заключить, что русский национализм воспринимается самостоятельным социально-политическим или идеологическим образованием и парадигмальный исследовательский конструкт ориентирует на создание «реальности» национализма по формуле присутствия вне дискурсивной сферы [6, с. 117]. Исследователю открывается простор для воображения, ссылок на психологические и культурные факторы, снимающие требования ввести концептуальные параметры национализма.

Если по отношению к европейскому национализму выработана и применяется классификация по дихотомии «этнический – гражданский», то в ситуации с описанием и оценкой русского национализма конструкт гражданственности исключается: обосновывается зависимость русского национализма от воли государства, от того, что описывается как подавляющая сила имперского сознания. В этом смысле достаточно предсказуемым является приписывание антиевропейских и антимодернизаторских устремлений. Несамостоятельность аргументируется страхом, боязнью и иными фобиями «раствориться» в Европе и

расстаться с «русскостью» как идентичностью культурно-цивилизационного масштаба.

Так как очевидным становится эквивалентность понятий «империя» и «цивилизация», русский национализм не может претендовать на роль идеологии национального государства. Стремление обозначить, как пишет Д. Ранкур-Лаферьер, иллюзию России вне тех или иных фетишей [6, с. 136] выявляет некогерентность национализма. Поэтому любые абстракции на уровне социологического или политологического анализа создают ощущение иррациональной остаточности. Речь идет о том, что описательные и объяснительные схемы, применяемые к европейскому национализму, характеризуют русский национализм не альтернативным, а «деструктивным» ответвлением националистической традиции. Можно говорить о том, что иррациональность культурно-цивилизационной самобытности не позволяет русскому национализму утвердиться в качестве схемы национальной идентичности и иметь позитивное значение в обосновании права на национальную государственность.

М. Ларюэль предлагает рассматривать феномен русского национализма с конструктивистской позиции [7, с. 8], что наделяет националистов качеством инструменталистской активности. Принятие данной позиции означает, что русский национализм есть в целом артефакт государства, политической власти, использование массовых иррационалистических чувств. Однако если исходить из того, что делают американские исследователи, кредо русского национализма, то ситуация определяется теоретически парадоксальной. Принимая в качестве «пре-рационального» аргумента положение об исключительности русского национализма, логичным было бы определить его оппозиционность государству на уровне стихийности, анархичности, социального бунтарства. Но так как обосновывается несамостоятельность, интерпретация русского национализма редуцируется к его риторике и превращению в инструмент борьбы за власть [7, с. 9].

Такое предположение ориентирует исследователя русского национализма на принятие принципа методологической поляризации: определяется поле аргументации для обоснования сервильности русского национализма и вместе с тем утрачивается рационалистический дискурс в объяснении механизмов зарождения и воспроизводства. Действительно, русский национализм, помещаемый Э. Геллнером в «четвертый» часовой пояс [1, с. 125], не содержит возможности гражданского общества по заданному либеральному образцу, но становится безальтернативным в условиях краха светской уммы, общества нового

образца, которое ориентировано на новую веру, но предопределяет насаждение этницизма.

По мысли Э. Геллнера, уязвимость русского национализма заключается в том, что его концептуальные притязания привязаны только к узкому пространству культуры. Поэтому есть тенденция догматизации и заостренности, в которой этничность не может быть флюидным социальным образцом, т. е. привязываться к определенным социальным изменениям. Отсюда русский национализм не в состоянии возместить утрату коммунистической веры, поскольку представляет догму отчаяния или интуитивной коллективной самозащиты от того, что угрожает русскости.

Неизбежным для исследователя становится описание иррациональных смыслов, значительно снижающих силу социологического воображения, определяя размеживание русских этнических националистов и националистов-государственников, очевидным становится трудность, связанность с тем, что государственность и этничность не могут быть использованы в качестве теоретической дихотомии. Скорее исследователю приходится уступать схеме релевантности этих понятий и классифицировать носителей русского национализма по инструментальному критерию умеренности / радикальности.

В этом случае исчезает опора на понимание национализма в категории описания «социальной реальности»: национализм трактуется как конфигурация практических социальных отношений, параметры которой можно вывести из того, что называется исследованием возможности перехода национализма из состояния «в себе» в состояние «для себя». Таким образом, теоретический конструкт национализма носит приписываемое значение: русский национализм объявляется наследником «черносотенства», как это очевидно в работах У. Лакёра, или предлагается более умеренный, но не менее тенденциозный вариант дефиниции русского национализма как парадокса изживания тоталитарного сознания.

Э. Лор, исследуя влияние русского национализма в российской империи, делает вывод, что подсознательное ощущение слабости является ключом к пониманию роли русского национализма [4, с. 201]: для него национализм является результатом кризисности, в которой возможность радикализации устремлений национализма, вызов космополитичным имперским элитам имеют непредсказуемое будущее, ассоциируются с наступлением эпохи политической анархии. Можно констатировать, что русский национализм содержит внутреннее противоречие, которое выражается в том, что, претендуя на статус

государственнической идеологии, националисты настроены против имперского объединяющего дискурса, в котором этнонациональный аспект низводится до уровня культурного локализма.

Как пишет У. Лакёр, все националистические группировки – и умеренные, и крайние – стремятся привить своим согражданам, и прежде всего молодежи, уважение к духовным ценностям [3, с. 161]. Внешне нейтральная оценка национализма У. Лакёром содержит критический, и даже диффамирующий, смысл в оценке русского национализма, поскольку методология исследования основывается на конструкте реакционного национализма. Учитывая то, что У. Лакёр является наиболее пишущим на тему русского национализма, его исследовательский выбор, если не парадигмален, разделяется американскими исследователями, исповедующими крайний негативизм по отношению к русскому национализму.

По существу, это советологическая реминисценция, интерпретация русского национализма в контексте оппозитивности либерализму. Характерно, что, признавая диссидентство националистов, американские исследователи основываются на том, что русский национализм есть прямой путь к агрессивному тоталитарному государству. При таком предположении обращение национализма к духовности связывается не просто с обоснованием самобытного пути развития России, культурно-цивилизационной особостью, но прежде всего с политическим реваншизмом, со сценарием возрождения «великой России».

В конструкте русского национализма содержится намерение категоризировать идеологию, иррациональную по социальным и историческим «инстинктам» (ненависть, подозрительность, ксенофобия), ориентированную в то же время на идеализацию русской истории, культуры и государственности. Можно говорить о том, что в конструкте национализма важное место отводится описанию иррациональности, что отчетливо проступает в работах У. Лакёра и Д. Ранкур-Лаферьера, однако претензия на объективность вынуждает таких авторов, как Э. Кедури, Э. Геллнер, Э. Смит, анализировать национализм в парадигме исторической категоризации, соотнося с развитием национализма в Европе.

Такая позиция внешне содержит элемент флексибельности, что определяет оценку русского национализма конъюнктурно: ясно, что исходя из квалификации русского национализма как этнонационализма, как национализма «синдромного», не имеющего перспектив принять гражданский дискурс и стать основой формирования политической нации, в зависимости от политической ситуации абсолютизиру-

ются те или иные негативные «качества» национализма. Полагая, что национализм в России является выражением позиции политических маргиналов, что русские националисты не в состоянии консолидироваться в мощную и влиятельную политическую и идеологическую структуру, делается вывод о инфльтрационности националистических взглядов.

Так как в России, по мнению Д. Ранкур-Лаферьера, само государство использует чувство величия, страдает «нарциссизмом», в стрессовых для общества ситуациях на первый план выходят «негативные гетеростереотипы» [3, с. 186]. Акцент на психологические качества выводится из того, что российская государственность не легитимирована в формально-рациональном смысле и постоянно нуждается в иррациональной «опоре». Иначе говоря, русский национализм привлекается для «отсрочки» кризисов, а проповедь духовности, национального величия, подозрительности вписывается в возможности негативной мобилизации, конструирования образа внутреннего или внешнего врага.

Следовательно, в конструкте национализма содержится обоснование его «насажденности», индоктринируемости в массовые настроения российского общества. Имеет ли при такой оценке русский национализм характер самостоятельной идеологии? Можно говорить о том, что подчеркивается зависимость национализма в том, что является «антизападничеством», что, не имея своего социально-экономического учения и ясной программы политических действий [3, с. 20], националисты фокусируют внимание в сфере духовности, где их аргументация не подлежит рациональной критике.

Неудивительно, что проскальзывает мысль, хотя и не получает логического завершения, что судьба заимствованных идеологий в России превращается в профанацию или «кошмар». Эта оценка относится к социализму, но может применена и к национализму: категориально русскому национализму приписывается создание идеологического «кентавра», включающего обоснование национального государства и национальной идентичности, что вмещается в критерии национализма как идеологии, но подчеркивается, что русский национализм «имитирует» европейскую модель, являясь национализмом культивирования различных синдромов массового сознания.

На этом основании классификация русского национализма, хотя и претендует на определенную степень научной строгости (имперский, этнический, «черносотенный», почвеннический), не представляется достаточно убедительной. Критерии классификации не свидетельству-

ют о том, что в исследовании русского национализма выработаны маркеры, позволяющие фиксировать параметры и характеристики описываемого направления национализма, исходя из его эссенциальности.

Вот почему, несмотря на допущение методологического плюрализма, есть замечание по поводу системного исследования русского национализма. Складывается ситуация, которая характеризуется тем, что картина русского национализма дробится на «образы», часто не соотносимые с ценами классификации, анализа и объяснения. Это выражается в том, что исследовательская традиция означает одобрение негативизма русского национализма, исключая допущение теоретических альтернатив. Разумеется, трудно предположить, что русский национализм станет объектом нейтрального социального анализа, что по отношению к русскому национализму могут быть рассмотрены сценарии его позитивной трансформации.

Такая позиция в принципе совместима с парадигмой национализма как идеологии, имеющей очевидные негативные влияния на развитие общества. Объясняя истоки и условия возникновения национализма, Э. Кедури подчеркивает, что национализм следует отличать от патриотизма и ксенофобии, но только на том основании, что национализм утверждает особую антропологию и особую доктрину государства [2, с. 73]. Располагая таким методологическим выбором, можно отрицать существование американского или британского национализма в смысле приверженности и верности политическим институтам, но по отношению к русскому национализму непреднамеренно «концентрировать», «доводить до крайности» параметры, имеющие случайный характер.

Характерно, что, говоря о державничестве русского национализма, принимается во внимание его внеинституциональная направленность, его культурный антропологизм. Можно согласиться с тем, что русские националисты могут квалифицироваться как «антигосударственники», но в либеральном смысле этого термина. Для либеральной парадигмы характерна приоритетность формальных институтов, русский национализм, объявляя духовность высшей ценностью русской нации, определяет иные критерии государственности (соборность). Отсюда возникает коллизия несопоставимости формально-правового дискурса и особенности доктрины государства русских националистов.

Притом что идеология национализма постоянно подозревается в насаждении ксенофобии, только У. Лакёр утверждает, что русский национализм в лучшем случае может апеллировать к историческим и культурным узам, объединяющим людей, к их общим ценностям и идеалам [3, с. 412]. Однако даже в умеренном варианте национализм

представляет искушение для общества, поскольку «потворствует» низменным социальным инстинктам и предлагает модель общества, не совместимую с критериями демократии.

Таким образом, русский национализм может рассматриваться только в его социально-компенсирующем варианте – как схема ложного преодоления кризисности или в агрессивном варианте, означающем самоизоляцию России и конфронтацию с внешним миром. Оба варианта объединяет тенденциозность в том, что «стигма» национализма сужает исследование к исторически ограниченной компаративистике и не объясняет совокупности факторов, препятствующих или благоприятствующих закреплению националистических настроений в российском обществе.

Конечно, следует различать уровень идеологического теоритизирования и перехода идей в массовое сознание. Если бы используемый американскими исследователями конструкт русского национализма как «химерического», тяготеющего к иррациональности идейного образования содержал достаточный аналитический и объяснительный потенциал, следующей исследовательской процедурой можно считать моделирование тенденций развития национализма, его новых видов, соотносимых с постсоветскими реалиями. Очевидной является статичность описания, включение в националистическую традицию течений и персон, которые только с «натяжкой» или условно могут быть отнесены к идеологам национализма.

Следствием являются необъективность и спорность положений, характеризующих такие идеологические течения, как евразийство, национал-консерватизм, национал-либерализм, неоимперство. Можно сослаться на отсутствие явных различий отмеченных идеологических трендов, в то же время возражение вызывает подведение течений, не подпадающих под социалистические или либеральные, под националистические. В этом случае можно сделать вывод о том, что для российского идеологического спектра не существует альтернатив либерализма в силу «исчерпанности» социалистического сценария и ущербности националистических схем.

Полагая, что русский национализм находится под влиянием дискурса «ненависти и величия», идеологическая база национализма редуцируется к оппозициям «национальный – космополитический», «самобытный – глобалистский», «русский – американский». Такая схема, имея определенную идеологическую направленность, выявляет то, что можно охарактеризовать как самопарализующий эффект теории. Имеется в виду, что исследователь оказывается в плену собственных представлений о национализме в том смысле, что методологический выбор

определяется не идеально-типическим конструктом национализма как содержащим инвариантные параметры описываемого феномена. Выясняется, что на выбор влияет схема «отсталости», отставания России в реализации социокультурной модернизации.

По этой схеме трудно ожидать, что исследовательский выбор может ориентироваться на принятие формулы «прозы национализма», осознания национализма в качестве неоднородных идеологических трендов, определяемых выходом за пределы социально-классовой или либеральной (демократической) схем. Не вызывает сомнения, что национализм фокусирует ожидания и надежды определенных групп и слоев российского общества, что делает необходимым исследование русского национализма, его мобилизующего и интеллектуального потенциала, хотя бы для того, чтобы выявить ограниченность националистических идей для российского модернизационного сценария.

М. Хечтер подчеркивает, что национализм как идеология строительства государства требует изучения того, что можно назвать приведением в актуальное состояние механизмов государства, то, что можно назвать эффектом прямого правления [8, р. 50–60]. В этом смысле русский национализм выпадает из исследовательского контекста, как реконструкция социальной иррациональности и стихийности, ему приписывается безгосударственность и анархизм. Вводимые различия имперского и этнического национализма только «усиливают» методологическую эклектику. Описание имперского национализма связывается с констатацией надэтничности и определяемой этим обстоятельством идеологической паллиативностью национализма. С другой стороны, этнический национализм оценивается как угроза государственности, как поощрение русского сепаратизма.

Установление «раздвоенности» русского национализма делает исследовательский выбор зависящим от предпочтений, от того, каким видится Российское государство и его перспективы. Позиция, которую можно назвать консенсусной, содержит неприятие Российского государства в культурно-цивилизационном и политико-правовом измерениях и редуцирует национализм исключительно к эволюции государственности. Теория русского национализма в американском варианте не состоялась, поскольку в большей степени это исследовательские «кроки», образы, не имеющие концептуального оформления и ориентированные на политическую конъюнктуру и прагматику.

В полемике 1909–1917 гг., развернувшейся между российскими либералами-конституционалистами и патриотами, важным моментом можно считать попытку дать право интеллигенции исследовать «рус-

ское лицо» [5, с. 50]. Участники дискуссии отталкивались от сложно-совместимых приоритетов: доказать патриотизм русских либералов и оценить национализм в контексте культуры, оппозиции русской государственной национальности. Поэтому у американских исследователей можно обнаружить заимствования различия государственного (имперского) и культурного (этнического) национализма.

Характерно, однако, то, что если русские либералы пытались уйти от космополитизма и определить собственное отношение к национализму в аргументах выбора федерализации или унитарности России, в тех выводах, которые делаются в целом американской исследовательской мыслью, русский национализм трудно описывать как идеологию созидания или разрушения по той причине, что это скорее введение иррациональных синдромов в политический дискурс.

Отсюда есть основание считать, что аналитика русского национализма представляет то, каким образом конкретный исследователь создает силой воображения свой вариант национализма. При этом можно видеть генерализирующие признаки в вынесении русского национализма из цивилизационного пространства, в котором формировался национализм в Европе. Другими словами, признание «заимствованности» русским национализмом идей немецкого романтизма или французских консерваторов выглядит в большей степени свидетельством того, что теоретически заимствования связаны с тем, чтобы придать русскому национализму статус идеологии, которая возможна только как определенный рациональный конструкт.

Эволюция русского национализма невозможна, возможно только повторение вариантов государственного или безгосударственного национализма, державничества и анархизма. Русский национализм как идеологическая матрица самоограничен иррациональностью, инстинктивностью чувств зависти, подозрительности и высокомерия к остальному миру. Подобная трактовка достаточно ясно выражена в работах психологического направления. Но в том же исследовательском выборе находят смысл изучения русского национализма претендующие на объективизм исследователи.

Конечно, нельзя всех упрекнуть в поддержке идеи У. Лакёра о фашизации русского национализма, традиции «черносотенства». Критерии объективности, тем не менее, не основаны на соотношении русского национализма с контекстом исторической эпохи, с политико-идеологическими реалиями: русский национализм нуждается в определении потенциальных возможностей влиять на российскую политическую жизнь, и следовательно, теоретический инструментарий дает

уровень достоверности, если формулирует «абстракции», позволяющие рассматривать национализм в динамическом состоянии, определять возможные идеологические симбиозы или выявлять критерии разделения «позитивного» национализма и национализма как источника шовинизма, ксенофобии и межэтнической напряженности.

Правда, такая трактовка сеет сомнения в возможности категоризации русского национализма, потому что теория «двух национализмов» конвенциональна и во многом содержит более оценочный, чем исследовательский, смысл. Вероятно, следует исходить из того, что в реальности мы сталкиваемся с «множественностью» национализма, и необходимость в концепте национализма определяется установлением границ между национализмом и другими идеологическими течениями, созданием определенного категориального поля, выяснением того, что в русском национализме определяющим является «национализм», а не «русский».

Американская исследовательская мысль имеет смысл в том, что показывает трудности, которые возникают, когда для категоризации сложного образования используются процедуры редукции и приписывания смыслов.

Литература

1. Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. 240 с.
2. Кедури Э. Национализм / пер. с англ. А.А. Новохатько. СПб., 2010. 136 с.
3. Лакёр У. Черная сотня: Происхождение русского фашизма. М., 1994. 432 с.
4. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. М., 2012. 304 с.
5. Национализм. Polemika 1909–1917. М., 2000. 237 с.
6. Ранкур-Лаферьер Д. Россия и русские глазами американского психоаналитика: В поисках национальной идентичности: пер. с англ. М., 2003.
7. Русский национализм в политическом пространстве / сост. М. Ларюэль; Франко-Российский центр гуманитарных и общественных наук. М., 2007. 356 с.
8. Hechter M. Containing nationalism. Oxford, USA, 2000. 272 p.

References

1. Gellner Je. Uslovija svobody: grazhdanskoe obshhestvo i ego istoricheskie soperniki. M., 1995. 240 s.
2. Keduri Je. Nacionalizm / per. s angl. A.A. Novohat'ko. SPb., 2010. 136 s.
3. Lakjor U. Chernaja sotnja: proishozhdenie russkogo fashizma. M., 1994. 432 s.
4. Lor Je. Russkij nacionalizm i Rossijskaja imperija: Kampanija protiv «vrazheskih poddannyh» v gody Pervoj mirovoj vojny / per. s angl. V. Makarova. M., 2012. 304 s.
5. Nacionalizm. Polemika 1909–1917. M., 2000. 237 s.
6. Rankur-Lafer'er D. Rossija i russkie glazami amerikanskogo psihoanalitika: V poiskah nacional'noj identichnosti: per. s angl. M., 2003.
7. Russkij nacionalizm v politicheskom prostranstve / sost. M. Larjuel'; Franko-Rossijskij centr gumanitarnyh i obshhestvennyh nauk. M., 2007. 356 s.
8. Hechter M. Containing nationalism. Oxford, USA, 2000. 272 p.